

КРАСОТА КАК ОСНОВА ГАРМОНИИ

*Паламарчук Анжелика Михайловна
Нижегородский государственный педагогический
университет им.К.Минина, г. Нижний Новгород*

E-mail: palmer1991@mail.ru

Аннотация. Природа красоты, как и природа искусства, представляет собой один из наиболее сложных и обсуждаемых вопросов философской эстетики. Задачей данной статьи становится раскрытие красоты как феномена не только эстетики, но и философской антропологии.

Ключевые слова: калокагатия, триединство ценностей Истины, Добра и Красоты, «умная красота», дихотомия добра и зла; этический смысл красоты.

Проблема красоты привлекала мыслителей и исследователей с древнейших времён. Отметим, что исторически первым «одухотворением» красоты был античный идеал *калокагатии* (в букв. переводе от греч. слов – прекрасное + доброе, или «прекрасно-доброе»), благодаря которому эстетически прекрасное сливалось с этическим добром, благом, что позволяло возвысить красоту над восприятием исключительно внешней привлекательности объекта. «Красота традиционно причислялась к категории высших (предельных) ценностей, наряду с добром, истиной и справедливостью. Это главенствующая тема для древнегреческих, эллинистических и средневековых философов; и оставалась центральной для философской мысли вплоть до рубежа XVIII – XIX веков, будучи представленной в работах таких мыслителей, как Шефтсбери, Хатчесон, Д.Юм, Бёрк, Им. Кант; Г.В.Ф.Гегель, А. Шопенгауэр, Хэнслик и Сантаяна. К началу XX столетия красота пришла в упадок и как предмет философского исследования, и в качестве основной цели всех искусств. Но, несмотря на это, в последнем десятилетии наблюдалось возрождение интереса к этой проблематике» [1]. Именно заинтересованность в проблеме красоты, вышедшая за пределы эстетики, является основным ключом к поиску нового статуса красоты в философии.

В рамках изучения западной философии, как правило, уделяется существенное внимание рассмотрению эстетических взглядов представителей

немецкой классической философии (Им. Кант, Ф.Шеллинг, Г.В.Ф.Гегель). Справедливо будет заметить, что русская философская мысль формировалась не без влияния немецкой классической философии. Особенно заметно влияние идей Шеллинга и Гегеля на основоположника концепции Всеединства *В.С.Соловьёва (1853-1900)*. «Идея души, то есть красота, обладает наибольшей актуальностью, наибольшей полнотой формального бытия и есть поэтому последнее, окончательное осуществление, или реализация, идеи как такой. В этом смысле красота есть действительное исполнение, или осуществление; другими словами, сущее, утверждая идею как благо, даёт ей посредством истины осуществление в красоте» [2, с. 256]. Таким образом, в отличие от Гегеля, именовавшего красоту «покрывалом истины», в русской философии красота наделена более высоким статусом; согласно мысли В.С.Соловьёва, *Идея осуществляется (как благо) через Истину в Красоте*. Этим и отличается божественная триада, ставшая классической для всей последующей русской философии.

В силу того, что высший замысел творения воплощается в красоте, то логично предположить, что одной из сфер общественной жизни, выражающей красоту как ценность, выступает искусство. Здесь уместно обратиться к идее, выраженной в работе С.Н. Булгакова «Свет невечерний» (1916). «*Ибо всякое подлинное искусство, являющее красоту, имеет в себе нечто вещное, открывает высшую действительность*» [3, с.199]. Согласно мысли С.Н.Булгакова (и с ним солидарны и другие представители русской религиозной философии, такие как Н.А.Бердяев, П.А.Флоренский, С.Л.Франк), проявления красоты в мире, реализованные в произведениях искусства, возносят человека к осознанию духовных основ бытия. Искусство, тем самым, облагораживает человека, и этот процесс личностного совершенствования возможен именно благодаря созерцанию красоты.

Особым образом раскрывается и статус искусства как сферы деятельности, воплощающей красоту. Булгаков фактически обосновывает высокое место искусства в иерархии деятельности этой способностью приобщения человека к высшей действительности (посредством произведений искусства). «Отсюда явствует и исключительное значение искусства, его *иерархическая высота*. В красоте природы, как в созданиях искусства, ощущается частичное или предварительное преображение мира, явление его в Софии, и *красота эта своим эросом поднимает человека в мир вечных образов идей*, трепетные кони возносят верного возницу к животворящему солнцу, по незабвенному образу платоновского "Федра". Искусство есть мудрость будущего века, его познание, его философия. И философия софийна, лишь поскольку она дышит этим пафосом влюблённости, софийным эросом, открывающим умные очи, иначе говоря, поскольку она есть искусство: основной мотив философской системы, её тема опознаётся интуицией, как *умная красота*, сама же система есть лишь

попытка рассказать на языке небожественном о вещах божественных» [3, с. 199]. Таким образом, категория красоты не просто возвышается над эстетическим, но и возвышает человека, поднимая его к миру идей, как это мыслится в платоновской традиции. Здесь мы можем с уверенностью утверждать, что русская философская мысль продолжает античную идею красоты и утверждает античный идеал *калокагатии* посредством приобщения личности к миру искусства.

Осознавая уникальность эстетического опыта в человеческой жизни, С.Л.Франк (1877-1950) также затрагивает исследуемую нами проблематику. Эстетическая сфера, в основе которой лежит именно категория красоты, играет существенную роль в процессе коммуникации человека с окружающей действительностью. В проблеме прекрасного (эту категорию С.Л.Франк фактически не разделяет с красотой и эстетическим) могут быть выявлены два основных аспекта. Первый заключается в том, что существуют некие особенности индивидуального эстетического восприятия, от которых зависит наше непосредственное восприятие прекрасного; второй аспект затрагивает сферу эстетического объекта. Таким образом, можно утверждать, что в процессе эстетического опыта индивида воплощаются стороны субъект-объектного взаимодействия, способствующие духовному обогащению и совершенствованию личности.

Кроме того, по словам Франка, прекрасное – это всегда образ, «картина», «предмет чисто чувственного созерцания», а не анализирующей и раздробляющей мысли; это «металогическое единство, поскольку оно дано наглядно и усматривается созерцательно в чувственно данном его составе или через него». Везде, где нам удаётся без каких-либо размышлений и предметного истолкования «сосредоточиться на простом созерцании реальности в её непосредственной конкретности – везде и всегда, когда нам удаётся, наподобие детей, без размышлений жадно воспринимающих образы бытия, иметь *чистый опыт реальности* вне всякого умственного её анализа – мы воспринимаем реальность как прекрасное. И подлинный художник обладает даром показать нам реальность именно в этой её наглядной непосредственности – и именно тем дать нам ощутить новизну, значительность – красоту – даже самого будничного, прозаического, привычного и знакомого» [4, с. 601-602].

Для Франка то, что может быть выражено через категорию прекрасного «есть сама реальность в её отвлечённо-невыразимой конкретности – в её сущностной непостижимости. Пережить реальность эстетически – хотя бы в малейшем частном её проявлении – значит иметь живой, наглядно убедительный опыт её непостижимости – её совпадения с непостижимым» [4, с.605]. Здесь нам важно указать, что *индивидуальный опыт (восприятия)* красоты позволяет человеку соприкоснуться с тем, что неподвластно разуму, что обозначено

Франком как *непостижимое*. Это доказывает наличие онтологического статуса красоты, поскольку чувственное восприятие прекрасного позволяет человеку осознать существование неких высших основ бытия, рационально не обоснованных.

Следует отметить, что углубляясь в трактовку, предложенную в философии С.Л.Франка, необходимо выделить две ключевые характеристики красоты:

1) «Красота есть непосредственное и наглядно наиболее убедительное свидетельство некоего таинственного сродства между «внутренним» и «внешним» миром – между нашим внутренним и непосредственным самобытием и первоосновой внешнего, предметного мира» [4, с.606]; это принципиальное единение духовности личности с восприятием внешнего мира; попытка слияния индивидуального самосознания личности с осознанием собственного места в мире;

2) «Красота как таковая *нейтральна*, в каком-то смысле *равнодушна к добру и злу*. Знаменуя какую-то потенциальную гармонию бытия, она мирно сосуществует с его актуальной дисгармонией; более того, сама она, по глубокому указанию Достоевского, сочетает в себе «божественное» с «сатанинским», – ибо где что-либо прельщает нас обманчивой видимостью, там мы имеем дело с началом демоническим» [4, с. 614]. Эта знаковая отсылка к философским идеям Ф.М. Достоевского требует оговорки, что для самого писателя *красота и добро в принципе совпадают*, по крайней мере, подлинная красота а нерасторжима с идеей добра.

В целом, дихотомия добра и зла применима к категории красоты как некий «контрольный пункт». Традиционно, в русской философской мысли, начиная с Вл.Соловьёва, господствует тенденция, связывающая воедино ценности Истины, Добра и Красоты. По Достоевскому, «красота спасёт мир», только если это *добрая красота*. Демоническая красота служит делу разрушения – как на личностном, так и на общественном уровне. Однако существуют мнения, отличные от культа нерасторжимого триединства ценностей. Так, например, *К.Н.Леонтьев (1831-1891)* считал возможным принесение в жертву других ценностей ради красоты. Это нашло выражение в позиции *ультраэстетизма (ряд исследователей так именуется направление, акцентирующее особое внимание на эстетических элементах развития общества)*. Кроме того, концепция Леонтьева была подвержена критическому рассмотрению со стороны *о. П.А.Флоренского (1882-1937)*, который провёл сравнительный анализ двух эстетических концепций в приложении к своей книге «Столп и утверждение истины» (завершена в 1924 году). В философской системе К.Н.Леонтьева эстетика пребывает за пределами религии; в концепции П.А.Флоренского эстетическое пронизывает все сферы человеческого бытия.

Соотношение добра и зла, реализуемое в красоте, является одной из

центральных тем русской литературы. В частности, в романах Ф.М. Достоевского немало примеров, побуждающих задуматься над значением красоты в мире. *Откуда возникает потребность в красоте и с чем она связана?* Достоевский так отвечает на этот вопрос: «Потребность красоты развивается наиболее тогда, когда человек в разладе с действительностью, в негармонии, в борьбе, то есть когда *наиболее живёт*, потому что ищет и добивается; тогда в нём и проявляется наиболее естественное желание всего гармонического, спокойствия, а в красоте есть и гармония, и спокойствие» [цит.по: Кашина Н.В. Эстетика Ф.М. Достоевского. – М., 1989. – С. 150]. Следовательно, красота для писателя служит источником гармонии и спокойствия. В то же время в ней самой есть место для «внутренней» борьбы: *«здесь дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей»* – именно так рассуждает о красоте один из центральных персонажей знаменитого романа «Братья Карамазовы» [5, с. 316].

Эстетика Ф.М. Достоевского особенно остро позволяет ощутить извечную борьбу между добром и злом, воплощённую и разворачивающуюся в красоте. Сообщая внутренне растленным персонажам черты правильной красоты, писатель снимает красоту как маску, бессодержательную форму; это обманчивая, «содомская» красота [6, с. 161]. В этом раскрывается принцип, позволивший в дальнейшем различать красоту и красивость: красоту как подлинную, слитую с этическими ценностями в противоположность красивости как чисто внешней привлекательности. Романы Достоевского полны примеров этого различения, которое становится возможным в процессе раскрытия личностных черт каждого из описываемых автором персонажей. «Духовное, просвечивающее через телесное, делает красоту истинной, человеческой, даёт ей *этический смысл*» [6, с. 161]. Здесь мы неизбежно возвращаемся к античному идеалу калокагатии как «прекрасно-доброе», соединяющего в себе (эстетически) прекрасное и (этически) доброе, благое. На русской почве этот идеал воплощается в триединстве [ценностей] Истины, Добра и Красоты, которые утверждаются в качестве общечеловеческих ценностей.

Завершая наши размышления о красоте и гармонии, считаем уместным вспомнить имевшие место в истории попытки «поверить алгеброй гармонию», которые сводились к тому, что существует некое волшебное числовое соотношение, позволяющее создавать гармоничные произведения искусства. Это «золотое сечение» или так называемая «золотая пропорция», широкое применение которой научно обосновано. Известный теоретик архитектуры *Леон Баттиста Альберти (XV век)* посвятил несколько масштабных работ поиску идеальных пропорций и практическому применению золотого сечения. Трактат «О скульптуре» он посвятил пропорциям человеческого тела, в трактате «О живописи» (1435) он сформулировал первое научное определение перспективы, а в «Десяти книгах о зодчестве» описал свою концепцию современной

архитектуры, основанную на *золотой пропорции* [7, с. 103]. Подобного рода примеры подтверждают наше глубочайшее убеждение в том, что красота неразрывно связана с гармонией. Возвращаясь к уже упомянутым ранее постулатам: «*в красоте есть и гармония, и спокойствие*» (Ф.М.Достоевский), в философии С.Л.Франка «*красота есть знак потенциальной гармонии бытия*» [4, с. 614], можем утверждать, что и за пределами философского знания внешняя форма (красота) служит выражением внутренней гармонии. В философской антропологии такая связь означает нерасторжимое единство этического и эстетического факторов в основе идеала гармонично развитой личности.

Литература:

1. Crispin Sartwell. Beauty // Beauty (Stanford Encyclopedia of Philosophy) First published Tue Sep 4, 2012 [Электронный ресурс] – URL: <http://plato.stanford.edu/entries/beauty/>
2. Соловьёв, В.С. Сочинения: В 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1989.
3. Булгаков, С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. – М.: «Республика», 1994. – 415 с.
4. Франк, С.Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии // С.Л.Франк. Сочинения. – М.: АСТ, 2000. – 800 с. (*Классическая философская мысль*)
5. Достоевский, Ф.М. Братья Карамазовы (Часть 1, Книга 3). – М.: «Художественная литература», 1973. – 816 с.
6. Кашина, Н.В. Эстетика Ф.М. Достоевского. – М.: «Высшая школа», 1989. – 288 с.
7. Корбалан, Ф. Золотое сечение. Математический язык красоты. / пер. с англ. – М.: Де Агостини, 2013. – 160 с.